

УДК 929Ростова

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ АЛЕВТИНЫ НИКОЛАЕВНЫ РОСТОВОЙ

О. И. Блинова

29 декабря 2008 г. не стало прекрасного Человека, замечательного Ученого в расцвете творческих сил Алевтины Николаевны Ростовой. «Не стало» в физическом смысле этих слов, но не в ином, духовном. Такие люди не умирают, они остаются с нами, близкими, до тех пор, пока длится наша жизнь, они остаются навсегда в своих трудах, пока существует человечество. Остается их Имя.

Признаюсь, мне очень тяжело писать эти строки: к скорбному списку моих утрат, кроме семейных, – В. В. Палагина, М. Н. Яценецкая, Г. А. Садретдинова, Г. А. Раков – неожиданно, нелепо прибавилась еще одна... И еще не прошло время, позволяющее хоть немного прийти в себя, поверить в случившееся и принять его как данность.

Попытаюсь восстановить в памяти то, что связано с Алей.

Первая встреча произошла в сентябре 1977 г., когда ко мне была прикреплена в качестве стажера выпускница КемГУ Алла (она не любила своего паспортного имени) Ростова на один год. Тогда я не могла предполагать, что наша встреча продлится 31 год: стажер поступила ко мне в очную аспирантуру (1978 – 1982), окончив ее блестящей защитой в диссертационном совете ТГУ (1983 г.).

После возвращения Аллы в Кемерово, в КемГУ, наше научное сотрудничество продолжилось совместной работой по составлению словарных статей для трех крупных лексикографических изданий – двухтомного «Мотивационного диалектного словаря: «Говоры Среднего Приобья» (1982 – 1983), четырехтомного «Полного словаря сибирского говора» (1992 – 1995) и семитомного «Вершининского словаря» (1998-2002). Причем лексикографическая работа Аллы Николаевны не прекращалась и в период ее пребывания в должности старшего научного сотрудника при написании докторской диссертации (1997 – 1998). Нередко мы встречались в разных городах на научных конференциях, особенно часто в Кемерово, куда я приезжала на конференции и на заседания диссертационного совета КемГУ, членом которого являлась, и в Томске, куда приезжала Алла Николаевна как участник конференций, оппонент по кандидатским и докторским диссертациям, председатель ГАК, часто бывая у меня в гостях.

С первого года общения у нас сложились дружеские, доверительные отношения, отношения глубокой взаимной симпатии. Особенно запомнилась последняя встреча у меня дома. Алла вошла с огромным великолепным букетом цветов с присущей ей открытой и немного сдержанной улыбкой. Мы проговорили три часа, пролетевшие как миг. Алла посоветовала на здоровье, я предложила ей заняться специальной зарядкой, которую тут же продемонстрировала, а она записала все 35 упражнений. Телефонный звонок прервал нашу беседу: нужно было Але

ехать в Кемерово. Больше мы не виделись, но не раз еще общались по телефону.

Аллу Николаевну отличали скромность, благожелательное отношение к окружающим, спокойный нрав, завуалированное чувство собственного достоинства, рассудительность, надежность, порядочность, интеллигентность. У нее был глубокий, природный аналитический ум, огромный творческий потенциал в сочетании с большим трудолюбием и неиссякаемой преданностью науке, лингвистике, диалектам.

В 60 – 70-е годы меня очень заинтересовала проблема языкового сознания. Термин употребляли многие – языковеды, философы, логики, психологи, но без определения научного понятия, чем я и занялась. Когда Алла поступила в аспирантуру, я предложила ей тему «Показания языкового сознания носителей диалекта как источник лексикологического исследования». К тому времени у меня был накоплен большой материал метатекстов, собранных в диалектологических экспедициях, и написана статья «Носители диалекта о своём диалекте» (глубокая разведка в тему, прежде чем предложить ее аспиранту). Заинтересовала этой проблемой своего супруга – философа А. А. Белобородова, разработавшего проблему форм общественного сознания, в итоге им написана была статья «Языковое сознание: сущность и статус». Обе статьи (их содержание Але было известно) пролежали в сборниках несколько лет (тогда это было нормой) и увидели свет, когда Алла уже защитила диссертацию. Отлично помню эту защиту. Вначале, когда соискатель представил свою работу, первый вопрос задал Н. Н. Киселев, председатель диссертационного совета, литературовед: «Что такое языковое сознание?» Полная тишина. Пауза: одна, две секунды... (Реакция на полную неожиданность вопроса). В следующую секунду четко прозвучал ответ с точной исчерпывающей формулировкой содержания научного понятия, полностью удовлетворившей председателя и членов совета. Защита прошла блестяще. Высоко оценили диссертацию официальные оппоненты – д-р филол. наук Т. С. Коготкова (Москва) и канд. филол. наук Л. Г. Самотик (Красноярск).

Таким образом, А. Н. Ростовой было дано обоснование понятия «языковое сознание», определен статус показаний метаязыкового сознания с учётом их языковых и неязыковых характеристик, представлено описание их источниковедческих возможностей для исследования различных лексических явлений, установлена степень достоверности и информативности сведений в высказываниях информантов [подробнее в: Резанова З. И., 2005, с. 94 – 95].

Тема метаязыкового сознания как компонента языкового сознания стала ключевой в научных изысканиях всей рано оборвавшейся жизни А. Н. Росто-

вой. Оно стало основой и ее докторской диссертации «Метатекст как форма экспликации метаязыкового сознания (на материале русских говоров Сибири)», защищенной 25 мая 2000 г. в диссертационном совете ТГУ (науч. консультант О. И. Блинова; официальные оппоненты: проф. Н. Д. Голев, проф. Е. Г. Которова, проф. Н. А. Лукьянова).

Защите диссертации предшествовала публикация 30 статей и монография с одноименным названием. Позволю себе длинную цитату (с небольшими сокращениями), отражающую основные итоги работы. «Диссертация явилась первым опытом монографического исследования метатекста <...> Основные результаты исследования:

1) выявлены и описаны в гносеологическом аспекте особенности метаязыкового сознания обыденного уровня;

2) разработана методика комплексного анализа метатекстов на всех этапах – от сбора материала до его интерпретации;

3) определены жанрово-композиционные признаки метатекста <...>;

4) <...> исследован фонд метаязыковых знаний носителей диалекта, составляющий пласт традиционной народной культуры; произведен концептуальный анализ метаязыкового лексического поля говора <...>.

Диссертационное исследование заложило основы нового научного направления, предметом изучения которого является феномен метаязыковости» [Резанова З. И., 2005, с. 96].

К этому добавлю: автор диссертации показала и доказала, какой высоты теоретического исследования можно достичь с опорой на данные живой народно-разговорной речи. И еще. Книга А. Н. Ростовской – одна из лучших (если не единственная), в которой глубоко, полно, всесторонне и общедоступно рассказано о сложном феномене современной лингвистики. Об этом же свидетельствуют и последние публикации автора, посвященные обыденной лингвистике [«Обыденное метаязыковое сознание»..., 2008; и др.], и зарубежные рецензии [«Zeitschrift vur Slavistik»..., 2007].

А. Н. Ростова – яркий представитель Томской диалектологической школы. Ее вклад в достижения школы значителен не только разработкой теоретических проблем, но и их применением в практической лексикографии. Она – одна из активных составителей словарных статей не только вышеназванных среднеобских словарей, но и «Полного словаря диалектной языковой личности» (т. 2, отрезок О. Томск, 2007). Объем подготовленных ею словарных статей – 4081. Словарные статьи, написанные А.Н. Ростовской, отличались завершенностью, тщательностью исполнения, не требовали каких-либо дополнений и редактирования. Она принимала участие в первичном редактировании 6-го тома «Вершининского словаря».

У Аллы Николаевны, по выражению Н. И. Толстого, был свой «терен», своя языковая территория –

русские старожильческие говоры Сибири, которые она с любовью собирала, обрабатывала, анализировала, исследовала. Она была диалектологом от Бога, и диалекты покорялись ей, раскрывая свои особенности и свойства.

Не случайно свою рецензию на «Словарь образных слов и выражений народного говора» она назвала так поэтически: «Словарь, который завораживает» [Ростова А. Н., 2001].

Не случайным был и ее интерес к творчеству В. П. Астафьева, язык произведений которого очаровывает. Алла Николаевна планировала издать коллективную монографию, пригласив меня в соавторы: мною была обещана глава «Диалектный пласт в художественной прозе В. П. Астафьева», но этому не суждено было сбыться...

Биографические данные А. Н. Ростовской в книге «Томская диалектологическая школа в лицах» заканчивается фразой: «Свободное время Р. посвящает семье, любит рукоделье» [Резанова З. И., 2005, с. 97]. Алла очень любила свою семью – супруга Сережу, детей Диму и Андрея, трепетно к ним относилась, часто рассказывала мне о них. Была счастлива, когда родился внук. Мне довелось быть в гостях в их семье, где я встретила гостеприимство, уют, порядок, вкусное застолье, задушевность, непринужденную беседу.

Я часто обращаюсь к подаренному мне Алей экземпляру ее книги. Не только для того, чтобы ее почитать, сделать выписки, но и для того, чтобы прочесть (в который раз!) надпись на первой странице обложки:

«Ольга Иосифовна!
Вам первой – моя книга.
С любовью, благодарностью
и вечной признательностью.
А. Ростова»

Я благодарна Але за то, что она была и есть в моей жизни. Светлая ей память.

Литература

1. Обыденное метаязыковое сознание и наивная лингвистика: межвузовский сборник научных статей. – Кемерово; Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2008. – С. 13 – 19.
2. Резанова, З. И. Ростова Алевтина Николаевна / З. И. Резанова // Томская диалектологическая школа в лицах: Биографический словарь. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. – Вып. 1. – С. 94 – 97.
3. Ростова, А. Н. [Рец.] Словарь, который завораживает / А. Н. Ростова // Актуальные направления функциональной лингвистики. – Томск, 2001.
4. Томская диалектологическая школа: историографический очерк / под ред. О. И. Блиновой. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2006. – 391 с.
5. Zeitschrift vur Slavistik. – 46 (2001). – № 2. – S. 243 – 246.